Сергей Котелевский

В пасти безумия...

Сергей Котелевский

Дом I. В пасти безумия…

«Издательские решения»

Котелевский С.

Дом I. В пасти безумия… / С. Котелевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838018-1

Таинственный дом в лесу хранит в себе мрачную тайну… Того, кто нарушит его покой, ждет страшная кара, ибо преступившему черту его назад возврата нет — в его привычное, обыденное состояние… Таков смысл этого сюрреалистического повествования «Дом I», которое уводит нас в жуткий, извращенный мир нечеловеческих видений и ужасов.Рекомендуется всем тем, кто уже давно устал от обыденности современных ужастиков и еще в состоянии испытать новый черновой драйв от прочтения данного суперхоррор-экшена!!!

ISBN 978-5-44-838018-1

© Котелевский С.
© Издательские решения

Дом I
В пасти безумия…

Сергей Котелевский

…Мне кажется, я видел
сон.
Был страшен и безумен
он.
И в пробуждении спасенья
нет,
Ведь сон сей длится сотни
лет…

© Сергей Котелевский, 2017

ISBN 978-5-4483-8018-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта история случилась в мою давнюю бытность психиатром местной районной клиники, в то время, когда приходилось много разъезжать по селам и деревням, затерянным в Глухоманской роще, ночевать где попало, а, порой, всю ночь напролет трястись в грузовичке по бездорожью. Я был молод, самонадеян и любое поручение высшего руководства воспринимал чуть ли не со щенячьим восторгом.

Однажды, в начале октября, я выехал в поселок Уэстлейк для освещения факта существования привидений в этой местности. Дождь, ливший неделю, размыл лесную дорогу, машина постоянно вязла в грязи, и моя подружка, вечно сварливая, тщедушная женщина, Ева Страшински, осипла от ругани. Когда машина окончательно увязла и заглохла, Ева бросила сигарету в окно и повернулась ко мне. Во тьме тускло блеснули зубы.

– Приехали, господин доктор. Мы уже целый день в дороге, и я порядочно устала. А теперь, хочешь не хочешь, вылезай.

Она заржала как лошадь, и неожиданно выругалась.

Когда дождь поубавился, я выбрался наружу, откинул крышку капота и с надеждой взглянул на заглохший двигатель.

– Ну, что там? – Ева не скрывала своего раздражения.

– Не знаю, – я попытался нащупать свечу зажигания. Металлическое нутро мотора раскалилось, я одернул руку.

– Сделай что-нибудь, – приказала Ева.

– Дорогая, – едва сдерживаясь от злости, прошипел я, – если тебе так не терпится, может сама попробуешь?! В конце концов, я психиатр, а не механик.

– Это заметно! – Узкое, бледное лицо Евы потемнело, раскосые, мутные глаза смотрели с холодным презрением. – И что же нам теперь делать?

– Ну, – я забрался обратно в машину, захлопнув дверцу, – мы можем, например, остановить машину и двинуться в путь пешкодралом по дороге, пока не встретим какой-нибудь хостел или остаться здесь и ждать попутной машины, которая отбуксирует нас до ближайшей заправки. Мне лично, больше подходит второй вариант. Взгляни, какой собирается туман. Мне бы не хотелось заплутать в нем.

– Ты хочешь сказать, что согласен торчать здесь и нихрена не делать?

Лицо женщины исказила гримаса ненависти и отчаяния ко всему на свете. И от этого ее и без того некрасивое лицо сделалось очень похожим на лицо самого настоящего психически-ненормального человека.

– Ничего не делать не может ни один нудак на свете, – я кротко взглянул на подругу. – Я буду спокойно торчать и наслаждаться твоим «теплым» обществом.

Лицо Евы, наполовину скрытое длинными каштановыми волосами, застыло словно белая маска трупа.

Я знал, что ей хочется… Ей хочется, чтобы я окончательно потерял самообладание и бросил в нее зловредные, до мурашек обидные, словца… Нет уж, дудки! С меня хватит!

Отвернувшись к окну, я молча принялся разглядывать плывущий над болотом туман. Я следил за раскачивающимися на ветру кронами деревьев и думал, что попутчица – женщина конечно же своеобразная (со своими тараканами в голове), только не для этой глухомани. Ох уж мне эти дамочки с болезненно-выраженным себялюбием!

– Ну ладно, – проворчала Ева, увидев, как изменилось мое лицо. – Не можем ехать – можно перекантоваться и в машине. В самом деле, такой ливень. Хотя, где-то здесь может быть гостиница или что-нибудь в этом роде. Что-нибудь же на дороге да есть…

Между тем, хмурые тучи прорезала яркая вспышка молнии. Мрак словно бы расступился, и на широкой поляне, среди зарослей можжевельника и терновника, забелело длинное одноэтажное здание наподобие казармы. У грязных, выщербленных стен теснились папоротник и чертополох, окна, преимущественно без стекол, с жалкими остатками рам.

– Ева, может… нам стоит переночевать в доме? – оживился я. – Хотя я не думаю, что там еще кто-то живет, кроме привидений! А уж они-то вряд ли откажут нам в прибежище. Я ведь все-таки местный.

– Ладно, – засуетилась Ева, беря в руки свою сумку. – Можно пойти и рискнуть: уж лучше в этом сарае заночевать, чем торчать на этой проклятой дороге.

Но выбираться не хотелось. Чем-то здесь не нравилось – уж очень тихо было, даже перестала горланить незримая ночная птица. Казалось, это место напрочь заколдовано дремлет и ждет своего часа. Однако, дождь усилился. Я спрыгнул в лужу и вытянул чемодан.

Последним, что услышал, закрывая входную дверь, был дикий сумасшедший рогот – или чей-то крик…

Внутри строение выглядело грязным, гадким и неухоженным, как и снаружи: валялись пожелтевшие от времени клочья газет, рваное тряпье, мусор, но в комнатах кое-где сохранилась мебель, что, впрочем, особо не удивляло. Пристанище привидений… Надо же! На серых стенах висели картины, вернее то, что от них осталось. Но одна, в трепетных бликах моего карманного фонарика, была особенно жутковата: сквозь пыльную паутину проступал мрачный кастл с горящими адским огнем бойницами, а у железных ворот черный всадник восседал на красном крылатом драконе…

Я болезненно вздрогнул, когда Ева язвительно проговорила:

– Все из-за этих деревенщин, с их расстроенной с психикой и администрацией Холствудской клиники. Поездка в Уэстлейк в октябре! Должно быть, я спятила или обкурилась, когда позволила уговорить себя.

– А мне показалось, тебя соблазнили премиальные, – пробормотал я.

– Ах, заткнись!

Спорить с Евой было бессмысленно и бесполезно. Я поставил фонарик на массивный дубовый стол и взглянул на ручные часы – полночь.

И, вдруг, мне показалось, что хлопнула входная дверь – внезапный порыв ветра промчался по коридорам, фонарик погас, и тьма сомкнулась вокруг мертвой трясиной.

Неужели вернулись хозяева? Никаких шумовых эффектов больше не доносилось. «Это ветер, конечно же ветер», – подумал я, прижавшись к окну – единственно-освещенному

месту. И тут, где-то совершенно рядом, раздался отчетливый негромкий щелчок, и помещение озарилось ярким светом.

– Болван! Тут же свет есть! – услышал я раздраженный голос Евы. – Не мог сразу проверить?

Я судорожно сглотнул слюну и почувствовал стыд. Бояться невозможного?! Я громко рассмеялся, даже чересчур громко, отбросил фонарик и шагнул к стене. У стены стоял большой радиоприемник, наподобие тех, что выпускались еще во времена второй мировой. Я нажал кнопку и желтоватая шкала, за помутневшим от времени стеклом, сразу засветилась. Из приемника раздалось громкое шипение, скрип и треск. Я принялся крутить ручку настройки. Поначалу не было ничего, кроме помех, и я попытался точнее настроиться на эту волну. Наконец из долбоприемника донесся тяжелый металлический саунд, сопровождаемый диким ревущим гроулингом.

Услышав эту ахинею, я раздраженно махнул рукой и отошел от бесполезного приемника к тяжелой крышке стола, стоявшего у окна гостиной, а Ева, задрав полы своего грязного платья, принялась плясать, визжать и улюлюкать под жесткие аккорды, которые вырывались и рвались из старого радиоприемника, пока тот наконец не заглох.

– Слушай, Кристоф, – с приторной ласкою отозвалась Ева. – Мне как-то очень тревожно в этом доме. А вдруг вернутся хозяева?

– Да, такое может случиться.

– И что мы тогда будем делать? – язвительно спросила напарница.

– Ну, например, мы можем сказать, что у нас заглохла машина. Что лил проливной дождь. Я думаю, что они нас в конце концов не вышвырнут на улицу, дадут переночевать до утра.

Лицо Евы скривилось в радостной усмешке.

– Да, дорогой, они не вышвырнут нас уж они не посмеют…

И она вновь принялась танцевать и кружиться под дурацкую музыку, которую сама же и напевала.

– Ева, ведь ты будешь вести себя примерно?

– Конечно, милый, все будет хорошо.

Я отстранился от Евы.

– Послушай, дорогая, а не выпить ли нам немного бренди? Ведь мы здесь совсем одни. За окнами льет этот чертов дождь. И такая темень вокруг – хоть глаза выколи…

Ева истерично хихикнула, сбив меня с мысли и окончательно заткнув за пояс.

– Я не против. В конце концов, ведь у нас небольшая деловая задержка. Правда?

– Да, да, такое часто случается в этих захолустных местах. Одно жаль – стаканов тут нигде нет, а пить бренди из горла как-то не очень солидно.

– Ну, Кристоф, в этой развалюхе, я думаю, что-нибудь найдется…

Широко улыбнувшись, я метнулся в соседнюю комнату. И тут же обмер от удивления – в самом дальнем углу, среди сырости и мрака, возвышались древние, окаменевшие от старости, дубовые двери.

– Ева! – вскрикнул я.

– Что такое, дорогой? – отозвалась из соседней комнаты подружка.

– Я тут кое-что нашел…

Ева тут же подбежала и с любопытством стала осматриваться по сторонам.

– Ну, а теперь сюрприз для моей подружки! – расплылся я в улыбке и подошел к внутренним дверям в глубине комнаты. Двери были большие, серые, двустворчатые, с блестящими медными ручками в форме изогнутых львиных лап.

– Прошу внимания! Раз! Два! Три! – с этими словами я взялся за ручки и распахнул створки дверей. Изумленный вздох Евы эхом пронесся по комнате. За серыми дверями

открылась комната, ярко-освещенная разноцветными огнями. В этой комнате обнаружилась еще одна каменная дверь, исчерченная магическими фигурами, знаками и символами…

– Куда ведет эта дверь? – спросила Ева таким тоном, словно мне следовало открыть существование потайных дверей сразу же по нашему приезду.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Но мы можем узнать об этом вместе.

– Как она открывается?

– Понятия не имею… Хотя… Кажется, я догадываюсь.

С этими словами я подошел к светильнику, воткнутому в стену, и повернул один из завитков, украшавших его.

Дверь вздрогнула и тяжело, со скрежетом, отошла в сторону. Я заглянул в открывшийся проем, и в лицо мне дохнуло могильным холодом и тленом… Из подвала доносились какие-то ни на что не похожие возгласы и всхлипы. Я в страхе отпрянул назад.

– Эх ты, трусишка! – услышал я позади себя язвительный голос моей подруги. И это были последние ее слова, которые я услышал в этот момент, ибо в ту самую секунду огромные, двустворчатые двери с грохотом и треском внезапно сами собой распахнулись и с такой силой вдарили мне по лбу, что я тут же очумело пляснулся на пол и потерял сознание… Последнее, что я все же успел запомнить, это страшный по мощи вихревой поток, вырвавшийся наружу из заточения и поднявший тучи столетней пыли, устилающей комнату…

Когда я пришел в себя, мое лицо обвивал прохладный осенний ветер, сквозивший из дырявых разбитых окон. Я открыл глаза – где-то за окном черные свинцовые тучи застилали серебряный череп луны. Шумели старые высохшие деревья, жутко поскрипывали их гнилые стволы, с ветвей, прямо в дом, сыпались пожухшие листья. Небольшой силы вихрь закружил по комнате, подняв клубы пыли и мусора, словно радуясь моему пробуждению…

– Что это было?! – изумился я. – Что это со мной, черт подери, случилось? Где я? О-о-о-ох-хх!

Я осторожно провел рукой по ушибленному лицу и увидел на своих ладонях алую кровь. Лицо – как и все остальное – было сильно расквашено, как будто кто-то хорошенько прожевал меня и выплюнул нафиг… Я тяжело поднялся и рванулся к выходу, едва ворочая ногами. С силой распахнул дверь и выскочил на крыльцо. Евы нигде не было видно. Хотелось крикнуть, аукнуть, позвать ее, но в горле моем как назло пересохло так, что я не смог произнести и звука.

Возле фундамента клубился призрачный туман. И тут, из этого тумана, как из лаудспикера, прозвучал хриплый, нечеловеческий голос.

– Будь с нами, Кристоф. Ты сам выпустил нас из мрака, и теперь эта ночь для тебя никогда не кончится. Она будет длиться вечно!.. Вечно!!.

Я сорвался с места и помчался по можжевеловой аллее, путаясь в росистой высокой траве. Продираясь сквозь заросли кустарника, я вскоре понял, что заблудился. Дождь давно закончился, но перспектива провести ночь в лесу, в потемках, не слишком-то успокаивала. Прикинув направление, где могла находиться деревня, уверенно зашагал вперед, как вдруг заметил, что деревья редеют. Под ногами противно зачавкало и захлюпало. Я сделал еще один неуверенный шаг, и вдруг ухнул по самые гланды…

– Епсель!.. Это ж болото!!.

Выбираясь из липкой, вонючей, всасывающей в себя грязи, я услышал где-то неподалеку звонкий детский смех… Зацепившись за корягу, я крикнул и позвал на помощь. Снова послышался детский смешок, и все смолкло… В полной тишине, выбравшись из чачи, я огляделся по сторонам. Вокруг творилась какая-то чертовщина и мне это совсем не нравилось… Почему-то вдруг, я вспомнил о запропастившейся невесть куда Еве, и от этого сделалось еще хуже…

Отдышавшись, я потащился дальше, настороженно вглядываясь в темноту, прислушиваясь к крикам ночных птиц в глубине леса. Продираясь меж сухих чахлых сосенок, я никак не мог вкумекать, куда меня нелегкая занесла… Лес, тем временем, становился все гуще и мрачнее благодаря мохнатым елям, которые страшно раскачивались и скрипели под внезапно налетевшим ветром.

Уже отчаявшись выбраться из этого проклятого леса, совершенно неожиданно для самого себя вдруг вышел на открытую местность и увидел одичалые могилы. Это было старинное заброшенное кладбище, сплошь заросшее травой и бурьяном. Изъеденные червями трухлявые надгробья кренились над могилами, словно ища поддержки; ни один могильный камень не стоял как положено, на своем месте. Ни единого шороха, ни ветерка – город мертвых безмолствовал, словно бы спал…

Да уж! Ощущения мои были не из самых приятных, когда я понял, куда меня занесло…

Стараясь не зыркать по сторонам, я быстро потопал между могил, мечтая как можно скорее миновать чашу сию и найти тропу, ведущую к деревне. Страх не позволял мне оглядываться… Чье-то глухое пьяное урчание слышалось позади, все ближе и ближе, словно некто невидимый преследовал меня… Что-то легонько коснулось моего плеча – я в ужасе оглянулся и увидел тянущуюся ко мне призрачную когтистую лапу. Я прыгнул в сторону и, не разбирая дороги, понесся по кладбищу как угорелый, прыгая через могилы. Казалось, все кладбище наполнилось визгом и воем. Я чувствовал спиной его приторно-обжигающее дыхание. Слышал клацанье страшных челюстей. Синие полупрозрачные ручищи тянулись ко мне со всех сторон, стараясь схватить меня за ноги и разодрать как лягушонка. Зажмурив глаза и дико крича, я не заметил в темноте сильно выступающий камень, споткнулся и со всего размаху ляснулся наземь. В это самое мгновение, земля на могиле разверзлась, оттуда выскочила посиневшая, распухшая рука мертвеца в остатках полусгнившего мяса и схватила меня за ноздри. Как я ни пытался вырваться, ничего не получалось. А визгливый, гнусавый голос мертвеца, как попугай, повторял:

– Ату его!!! Ату!!! – Загнутые синие когти впивались в мое греческое лицо, раздирая кожу и оставляя глубокие кровоточащие раны. Одна из гнилых костяшек попала прямо в рот и мне, едва сдерживая позывы рвоты, пришлось с хрустом перекусить прогнивший хрящ…

– Хрумсь!!!

Тут же почувствовал резкую боль в паху. Цепкая мертвячая хватка знала свое дело!.. Не помня себя от ужаса, я вырвался из мертвых объятий и встал на костыли, харкаясь гнильем и содрогаясь от омерзения.

– Ах вы, ублюдины! Ах вы, паскудины! За что вы меня пытаете? Зачем? – орал я сжимая кулаки и грозно потрясая ими в воздухе. А на кладбище начался такой шабаш, что волосы у меня на голове встали дыбом. Полуистлевшие трупы и совсем скелеты, в саванах и без, высокие и низкие, женщины и мужчины – толпа восставшей нежити, покинув свои могильные жилища, кружила вокруг меня, тыча костлявыми пальцами и громко улюлюкая. Новые и новые гости, раздвигая могильную насыпь, перли из под надгробий, чтобы лично побрататься со мной… Ожившие мертвяки отряхиваясь, и шатаясь как пьяные, вставали в весело вальсирующий мертвяцкий хоровод, и не было им конца и края!..

– Да-а-а! Воистину много есть на земле и в небе такого, что и не снилось нашим мудрецам!..

– Мы до тебя доберемся! Мы до тебя доберемся! – рычала нежить, все плотнее смыкаясь вокруг меня трухлявым кольцом. – Мы доберемся до тебя! Думаешь, ты лучше остальных, и ты станешь таким же, как мы, сволочь!..

– Ну уж дудки! Дорого я продам свою шкуру! Дешево я вам ее не отдам, и не надейтесь!..

Не зная толком, что предпринять я лихорадочно схватился за какую-то дубовую палку. Отбиваясь ею от корявых, полуистлевших костяшек, я рванул сквозь жуткий затор прямо в густую лесную чащу, сшибая по пути дюжину гнилых черепушек. Сердце бешено колотилось, страх сковал все мое нутро, а ужасные крики и вопли лишали потрясенное сознание рассудка. В состоянии крайнего шока, почти на грани безумия, с широко открытыми глазами, я бежал в неизвестность, вопя как дикий затравленный зверь, чувствуя за собой погоню. Продираясь в густом колючем кустарнике, я все бежал и бежал, спотыкаясь и падая, а затем грохнулся и покатился по грязному заросшему сорняками склону по направлению к автомобилю.

Рванув на себя ручку дверцы водителя и очутившись внутри, я услышал громкие, шаркающие шаги своих преследователей, звучавшие все ближе и ближе.

– Ключи! Ключи! Где же эти блядские ключи?! – я хлопал себя по карманам, шарил по приборной панели…

И тут, в кармане моих брюк глухо звякнула связка ключей. Я судорожно вытащил их, но никак не мог трясущейся рукой попасть в скважину… Наконец, ключ щелкнул… Машина вздрогнула… Но мотор никак не хотел заводиться… Визжал стартер… Я начал молиться…

– Боже, помоги мне!.. Боже, сделай так, чтобы машина завелась, чтобы я мог убежать!..

И, словно вняв моим мольбам, загудел мотор. Автомобиль рванул с места и помчался, не разбирая дороги, по жуткому лесу… Хлестали по лобовому стеклу шершавые еловые ветви, корявые сучья, словно пытались вспороть автомобиль вместе с краской…

– Фары!..

Я резко дернул выключатель, и свет фар замелькал меж летящими навстречу мохнатыми деревьями. Я хотел убежать отсюда, скрыться, исчезнуть, стараясь во что бы то не стало остаться в живых, но страшная сатанинская сила вертела автомобиль как хотела, по своему усмотрению. Она подхватывала его, как пушинку, и кружила в своем сумасшедшем необратимом вальсе. Она вздымала его над лесами, над долами, над лощинами, она вертела им как только хотела… Единственное, что мне оставалось сделать, это закрыть айзы и зажать локаторы ушами. Спустя какое-то мгновение, зловещий сатанинский смерч стал потихонечку ослабевать. Автомобиль стремительно спланировал вниз и с разгону впечаталася в корявую толстую сучью ель… Я пулей вылетел из салона, разбив башкой ветровое стекло, и шмякнулся мордой прямиком о дубовую дверь дома. Но тут же, спохватившись, вскочил на разбитые разболтанные шарниры и захлопнул ее изнутри на тяжелый дубовый засов…

На дом опустилась пронзительная могильная тишина… Но тут грохнула одна из новогодних хлопушек, спрятанная в шкафу, и на меня это подействовало, как укол булавкой на воздушный шарик. Я обмяк, упал и схватился руками за голову…

Очнулся я от тяжелого забытья. Разлепил глаза, и увидел, что прямо надо мной нависает чучело головы вепря со стеклянными блестящими глазами и оскаленным клыкастым ртом.

Я зажмурился и с усилием поднялся. От усталости и боли ноги почти не слушались меня. Я осмотрел свою испачканную грязью рубашку, измазанные, изорванные брюки, исцарапанные окровавленные руки…

В доме опять воцарилась тишина.

Перешагивая через кучи мусора и кала, я пошел в глубину бунгало. Внезапно тишину разорвали звуки музыки… Я осторожно оглянулся… По-моему, Бах!.. или Бетховен!.. Тьфу ты, черт, а не все ли равно?!.

Рядом с диваном, на котором лежал мой чемодан, стоял большой добитый радиоприемник, из которого с шумом и треском звучала громкая классическая музыка. Под громо-

гласный вой и визг, раздавшийся вдруг невесть откуда, все вокруг передернулось, меня встряхнуло и несколько раз заклинило… Три раза свинцовая тяжесть охватила меня, потом отпустила. Опять все дернулось…

Шея, плечи и спина почувствовали какой-то драйв (или крутаз?): кароч, некое тепло, пропитанное легкими шевелениями, окутало все мои члены… Я ощутил, что сзади меня обнимают чьи-то теплые нежные руки – слегка трепещущие, словно в оргазме…

В воздухе сверкнуло, как будто проскочила молния…

На пол, рядом со мной, тут же упало что-то быстрое, ловко извивающееся, как игрушечная прорезиновая змея. Упало и стало стремительно уменьшаться в размерах. Мне показалось, что эта штуковина, как некое существо, умильно виляет хвостиком, словно бы приглашая взять ее с пола себе на руки, по-матерински приласкать и обогреть. В следующий момент что-то пронеслось мимо со слоновым топотом, опрокинув меня волной протухшего гнилого воздуха. Посыпались с полок банки с краской, падая на приемник, ломая его вдребезги. Музыка заглохла, приказав долго жить.

Мне не хватало свежего воздуха. Я кинулся к разбитому окну. Двор перед домом заливал призрачный лунный свет. И в этом свете я увидел крадущиеся к дому жуткие тени мертвецов…

Я отвел глаза…

В это мгновение две холодные костлявые руки возникли из ночной мглы, протиснулись в дом и схватили меня за кадык. От испуга я бешено заорал, но ответом был лишь визжащий, истерический хохот моей невесть куда запропастившейся подружки. Скрипучий старческий голос прогундосил на всю округу:

– Поцелуй меня, ну поцелуй же меня, милый!

Пытаясь освободиться, я повернулся лицом к дико визжащей и хохочущей Еве… Она была страшна, ужасна, да и просто невыносима! Посиневшая и позеленевшая, с развивающейся гривой седых волос, с горящими белым огнем глазами и сыплющимися во все стороны синими искрами, она дико верещала, произнося грозные проклятия в мой адрес. С оскаленных то ли зубов, то ли клыков, как сама смерть, падали хлопья пены. Я дергался и бился, как сумасшедший, пытаясь освободиться от цепких объятий ведьмы. И тогда я понял, что теряю рассудок, вернее, что уже его потерял… И действительно, меня как бы вырубило. А когда очнулся и снова открыл глаза, то оказалось, что я лежу в глубоком открытом гробу и с изумлением взираю на низкий закопченный потолок. Я закричал, пытаясь встать, но чья-то сильная незримая рука буквально вдавила меня в жесткое ложе. Я дергался, извивался как змея, силясь подняться, но освободиться от цепких объятий страшной силы я не мог. Наконец, все как будто бы исчезло… улетучилось… испарилось… Я стряхнул с себя оцепенение, тяжело поднялся из дощатого гроба и шатаясь пошел сквозь комнаты. Вот я наткнулся на дверь, открыл ее и попал в небольшой зал. Как-то здесь было не очень уютно. С потолка свешивались непонятно откуда взявшиеся болотные водоросли и тина, а может и не водоросли вовсе и не тина, а какие-то щупальца… У основания облупившихся стен, среди длинных, пожелтевших, полуизгрызенных мышами листков, на которых все еще виднелись несомненно кабалистические знаки, среди мерзких орудий смерти и разрушения – коротких, похожих на кинжалы ножей, покрытых ржавыми пятнами того, что некогда было кровью – лежали трухлявые черепа и кости, по крайней мере, трех десятков человек. Я с недоверием уставился на них, но мои гляделки не обманывали меня. Сумасшествие, да и только, как и мое собственное пребывание в этом страшном, проклятущем доме.

В буквальном смысле шатаясь как алкаш, я вышел из комнаты, и до меня, наконец, начало туманно доходить, почему я здесь оказался. Я понял, почему дом не выпускает меня. А все потому, что сам домишка представлял своего рода центр притяжения зловещих сатанинских сил, находящихся вне человеческого понимания и вне человеческой власти; и я

знал, что уже заражен аурой этого места, и что в некотором роде оказался пленником, узником или очередной жертвой дома и его чудовищного проклятия…

Внезапно раздался стук во входную дверь…

Подняв лежавший у стены топор, я осторожно подкрался к двери и прижался ухом. За дверью слышалось всхлипывание и плач. На крыльце кто-то рыдал нежным голосом.

– Эй! Кто там?!

– Я это, Кристофер. Твоя Евушка, – послышалось в ответ сквозь всхлипывания. – Что с тобой, Кристоф, ты болен?

– Я?! Не зассывай мне мозги, ведьма!!

– Ну, вот опять ты о своем, – рыдания за дверью стали громче.

– За что же ты меня ведьмой-то называешь?

– Как это, за что??? Ты же мертвая…

– Да какая же я мертвая-а-а-а?? – зарыдала пуще прежнего Ева.

– Не с кладбища ли ты вернулась?..

– Да с какого нахрен кладбища?? Только мы из дому вышли, миленький, как ты на землю грохнулся. Я к тебе, а ты без сознания лежишь. Насилу тебя откачала. А ты, как меня увидал, закричал дико и по земле как ополоумевший кататься начал… И кричал все «ведьма» да «ведьма»! А потом, как прочухался, в дом бросился как угорелый. Дверь захлопнул на засов. Не сделай ничего с собой, Крисоф! Ты не в себе! Открой эту чертову дверь, Кристоф! Слышишь? Я боюсь за тебя, Кристоф!!!

В голове у меня перещелкнуло, и я засомневался: а вдруг действительно просто приступ?.. Наваждение?.. Галлюцинация?.. Но ведь со мной же такого раньше не случалось!.. Тьфу ты, это просто бред какой-то!!

От сердца отлегло, и я, отставив топор в сторону, отодвинул засов и распахнул дверь. В тусклом свете луны поначалу невозможно было разобрать, кто же стоит передо мной на крыльце. Внезапно сверкнула молния, и в ее мгновенном мертвенном блеске я увидел стоявшую. Волосы зашевелились у меня на голове. Вытянув перед собой посинелые руки, весь в засохшей бурой крови, ко мне двигался бесшумно, как воздух, безголовый труп Евы.

Вот-те на!! Вот так фокус!!!

– Где ты? – раздался меж тем загробный голос из самого нутра чудовища.

Захлопывая дверь, я навалился на нее плечом. Но было рано вздыхать о победе. Ева, споткнувшись на ступенях крыльца, рухнула с вытянутыми в дверной проем руками, более всего похожими на клешни. Дверь никак не хотела закрываться, защемив жуткие ручищи мертвечины, и поэтому я не мог задвинуть засов. Ведьма-зомбиха навалилась на дверь всем телом. Упираясь в дверь изнутри, я ужаснулся огромной силище зомби-мертвеца.

Постепенно – миллиметр за миллиметром, сант за сантом – дверь поддавалась под ее, невиданной силы, давлением. Я терял уже последние остатки сил и терпения, как вдруг рука наткнулась на рукоять топора. Зажав в пальцах страшное орудие, я одним махом отсек обе клешни Евы-мертвеца. Дверь захлопнулась, и я задвинул засов. Теперь между нами была хоть какая-то, но преграда. Все тело у меня стало ватным. Казалось, последние силы вытекают вместе с потом и кровью… Ноги мои подкосились, и я буквально сполз по стене. Все тело колотилось крупной нервной дрожью. Я вспомнил, как мгновение назад шевелились скрюченные, когтисто-хищные клешни всего в нескольких сантиметрах от моего носа. Казалось, я даже чувствовал отвратительный запах этих отвратительных рук-клешней. Смесь из запаха сырой земли и сладковато-приторного аромата гниющей, разлагающейся плоти… Мне стало не по себе. Откинувшись спиной на дверь, я тихонько смеялся. Тихий смех перерос в дикий хохот… Подхватившись, я, с хохотом и криками, беснуясь как одержимый, принялся носиться по всему дому…

– Что, сожрала, стерва?! Ха-ха-ха!!! Кровушки моей захотела?! Ха-ха-ха!! Ты хотела разорвать меня на куски?! Ха! Врешь, бестия, не возьмешь!!! Это я буду рвать тебя на куски!!! – в порыве бешенства я схватил с пола топор и вонзил его в отрубленную клешню ведьмы. Жуткий рев, раздавшийся за дверью, вдруг отрезвил меня. Отбросив отрубленную клешню в сторону, я насторожился…

За дверью все стихло.

– Боже мой, боже мой, господи, спаси меня, – затравленно шептал я. – Боже мой, помоги и спаси меня, господи.

Страшной силы удар сотряс дверь. Дверь затрещала. На голову мне посыпалась мелкая труха. Удары обрушивались на дверь один за другим. Нужно было что-то срочно делать, так как дверь хотя и была прочной, но такого напора долго бы не выдержала. В промежутках между ударами нечеловеческий голос ведьмы монотонно вещал:

– Ты все равно станешь таким же как я, Кристоф! Все силы ада и преисподней помогают мне! Сама судьба уготовила тебя мне на закуску!..

Забившись в угол, я лихорадочно думал. Нужно было предпринять что-нибудь для собственного спасения. Я сосредоточился.

– В кладовую! В кладовую! – пришла в голову спасительная мыслишка. – Только там должно быть спасение, только там, – сам себе кричал я, стремглав носясь из комнаты в комнату как обезумевший.

Уже переступая порог кладовой, находящейся в торце дома, я на мгновенье остановился, услышав, как со страшным грохотом рухнула выбитая входная дверь. Времени на спасение не оставалось совсем. Ликующий, на одной высокой ноте волчий вой несся в мою сторону и неумолимо приближался… Опасность еще не была видна, но зато была хорошо слышна, и это было во сто крат страшнее. Воображариум, мешая мозговать, дорисовывал все остальное в самых мрачных, брутальных тонах и красках. Я врубил весь свет, все лампочки, какие только имелись в кладовой, и бросил быстрый взгляд на стеллаж. Синей краской сверкнула бензопила «Carolko». Я потянул на себя пусковой тросик – пила завизжала, сверкая острыми зубьями.

Вой приближался…

Ждать приближения страхоблюдины было невыносимо. Все мое существо заполнил звериный инстинкт. Тот самый инстинкт разгоряченного безрассудства, что заставляет загнанную в угол крысу бросаться на преследователя, и этот инстинкт толкнул меня вперед, навстречу смерти: держа перед собой ревущую бензопилу, несвязно шепча перекосившимися губами молитву, я шагнул к тому, что было для меня страшнее самой смерти. Нас разделял лишь коридор. Я уже видел в тусклом свете ужасную, беснующуюся фигуру хищно тянущую ко мне культи изувеченных клешней. Туловище было когда-то молодой, в рассвете сил женщины, а сейчас без головы, с обрубками рук, обезображенное гнилью и тленом, оно выглядело самым жутким и ужасным порождением Ада…

Зловещий мертвец без головы мчался, выставив свои страшные культи прямо на меня. Но я среагировал мгновенно, и, успев увернуться, полоснул бензопилой по полуразложившимся ногам безголового мертвеца. Обе ноги одновременно отлетели в стороны, заляпывая все вокруг грязно-кровавой жижей. Туловище мертвеца, как подкошенное, ляснулось на пол, издавая пронзительный поросячий визг. И когда я вскинул бензопилу, чтобы разрезать омерзительное тело напополам, оно вдруг утробно проурчало:

– Кристоф, Кристоф, ты не посмеешь разрезать свою лучшую подругу, не посмеешь!..

– Увы, милая. Я сделаю это, я вынужден это сделать, – шептали мои разбитые в кровь губы. Я подводил ревущую бензопилу все ближе и ближе к изувеченному туловищу живого мертвеца.

– Нет!.. Ты не посмеешь!.. Ты этого не сделаешь!..

– Я убью тебя как паршивую тварь! – завопил я, теряя выдержку.

– Не убивай меня, Кристоф!!! Ради нашей любви, ради меня, не надо! Ты же любил меня?! – взмолилась изувеченная мертвечиха, содрогаясь в конвульсиях.

Но пила уже делала свое грязное, черное дело… Хрустела кость, разлетались в разные стороны куски гнилого мяса и кишки… Скрипя зубами, я дробил и крушил ненавистное, мерзкое тулово мертвеца… Кроваво-красный свет заполнил все помещение, превратив меня в жуткого кровавого садиста с бензопилой в руках.

Едва держась на ногах, измученный и опустошенный, я вышел из кладовой. Я уже твердо знал, что ни за что не позволю зловещим ублюдинам, адским демонам, овладеть собой. В голове все кипело, бурлило, мысли путались, спотыкались, набегали одна на другую… Бред!.. Не лепится!! Галлюцинация!!! Нет, это все мне кажется! Это просто бред воспаленного галлюцинациями сознания…

Я разом отогнал сумбурные мысли и заставил себя успокоиться. Все происходило на самом деле в реальности, и с этим фактом трудно было не согласиться! И хватит уговаривать себя – я не сумасшедший и не ребенок, да и со мной, похоже, не в детские игры играют!..

Я отбросил бензопилу и схватил висевшее на стене охотничье ружье, собрал с полки патроны. В это мгновение тот черный тяжелый гроб, в котором еще недавно я лежал, подозрительно зашатался, закачался, заскрипел, словно в нем находилось нечто живое, невидимое, и из него тут же пулей вылетела отрубленная голова Евы. Визжа и хохоча, голова тяжело грохнулась прямо к моим ногам.

Я закричал…

Зашевелились губы, запекшиеся черной кровью:

– Ты умрешь, умрешь! Сдохнешь, как скотина! – визжала голова. – Ты будешь с нами, ты будешь таким же, как мы!.. Все равно мы победим!!!

Последовали грязные ругательства, вывалился наружу длинный кровавый язык. Глаза, налитые злобой, выпучились как под давлением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.